

Среди произведений самого Леонардо Бруни одним из наиболее поучительных является трактат «О научных и литературных занятиях» («De studiis et litteris»), написанный между 1422 и 1429 гг. для Баттисты Малатес-ты, невестки того самого Малатесты, который в Мантуе свалил в Минчо статую Вергилия. Определяя для нее подлинное знание, Бруни поясняет, что он не пребывает в атмосфере вульгарной эрудиции и тем самым смущает профессоров теологии («Eruditionem autem intelligo поп vugarem istam et perturbatam, quali utuntur ii, qui nunc theologiam profitentur»*), но, скорее, обладает этим узаконенным и свободным знанием, которое объединяет литературный талант и научное понимание вещей («sed legitimam illam et ingenuam, quae

litterarum peritiam cum rerum scientia conjungit»). Модели, о которых он мыслит, далеко опережают всяких Лактанциев, Августинов и Иеронимов — «summum profecto theologis ac perfectis in litteratura viris»**. Но даже среди таких образцов есть один, которого Бруни предпочитает иным — это чистый Цицеронианец Лактанций, *vir omnium Christianorum proculdubio eloquentissimus****. Впереди всех этих язычников стоит Цицерон, затем следует Вергилий, «decus ac deliciae litterarum nostrarum»****, за ним Тит Ливий и Саллюстий и, наконец, прочие, — каждый на своем месте. В этой учебной программе для образованных женщин опущены собственно философы, поскольку поэты вмещают в себя всю мудрость. У Вергилия мы читаем: «principio caelum ac terras camposque liquentes»*****, тем не менее, замечает Бруни, «quem philosophum поп contemnimus?»***** Предвидя непримиримую оппозицию всегда готового к борьбе старого Малатесты, который, «раз он однажды утверждал, что не следует читать поэтов, будет упорствовать в своем заблуждении до самой смерти», Бруни берет на себя труд показать, какие прекрасные образцы женщин можно найти у античных писателей. Разве Пенелопа и Альцеста — не примеры для подражания? Верно, Венера и Дафна — не лучшие образцы, но в любом случае Библия содержит не больше добрых примеров. Что сказать о Самсоне и Далиле, о дочерях Лота, о царях Давиде и Соломоне с их сонмищем наложниц? Однако мы читаем Библию — почему же нам не прочесть «Энеиду»? То, что вызывает восхищение в Энее и Дидоне, — заслуга не сюжета, но гения поэта. Значит, у поэтов есть нечто доброе, если знаешь, что их рассказы — это бесценные басни и притчи? Нет ничего легче, чем заняться ими. Но в Библии, где есть возмутительные рассказы, они истинны: на них необходимо обратить внимание. Оставим в стороне поэтический плебс — сатириков и комедиантов, но у Вергилия, Сенеки и Стация, которые ее не читали, ничего не недостает: «pes summum speret cui haec pars desit»*****.

558 Глава X. Возвращение светской лит-ры и итоги философии средних веков

Мы, безусловно, вступили в новый мир, но путем длительной эволюции, а не революции. Петрарка возродил латинскую литературу под покровительством Августина, а Бруни, в свою очередь, снова ввел в обращение греческую литературу под покровительством Василия. Первый расцвет эллинизма, торжественно ознаменованный Петраркой, расширил движение, не внося в него никаких искажений. Сам Бруни не хотел, чтобы Аристотель пострадал от дурного применения со стороны философов и теологов. Его сочинение «Жизнь Аристотеля» («Vita Anstotelis») страстно защищает последнего не только как автора трактатов «Риторика» и «Поэтика», но и как стилиста. Верно, «Диалоги», столь восхваляемые Цицероном, утрачены, но «Никомахова этика» и сама «Метафизика» остались образцом философского стиля. Прочтите их в переводе Боэция — это великолепно. Если к нему присовокупить Платона, то мы получим «scientia rerum»*, которую отцы Церкви, в особенности Лактанций, считали весьма удачно сопряженной с диалектикой. Если Петрарка, Салутати и Бруни были новаторами, сами они считали себя традиционалистами. Когда стареющий Салутати хвалил молодого Бруни за то, что тот не придал произведению «нелепость со-временности» («поп enim modernorum ineptiis